

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
XLV

ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ЕГИПТОЛОГИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ
2007–2008

Санкт-Петербург • 2009

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

TRANSACTIONS OF THE STATE HERMITAGE
XLV

**ST. PETERSBURG
EGYPTOLOGICAL READINGS
2007–2008**

*In Commemoration of Oleg Dmitrievich Berlev
On the Occasion of his 75th Birthday*

PAPERS OF THE CONFERENCE

St. Petersburg
The State Hermitage Publishers
2009

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
XLV

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ЕГИПТОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
2007–2008**

*Памяти Олега Дмитриевича Берлева
К 75-летию со дня рождения*

ДОКЛАДЫ

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2009

И. А. Ладынин

ЛЕГЕНДА О ЦАРЕ АМЕНОФИСЕ
(MANETHO, ED. W. G. WADDELL, FRG. 54,
CHAEREMON, FGRHIST. 618. F. 1)
И ФИНАЛ ВТОРОГО ТОМОСА ТРУДА МАНЕФОНА

Прежде чем обратиться к непосредственному сюжету нашей работы, нам необходимо охарактеризовать наблюдения по поводу схемы и концепции знаменитого исторического труда Манефона, к которым мы пришли ранее¹. Как нам представляется, членение этого труда на три так называемых томаса никоим образом не случайно: по существу, каждый из них очерчивает завершённый цикл египетской истории. В начале первого из этих циклов стоит фигура основоположника династий египетских царей из числа людей Менеса (Manetho, ed. W. G. Waddell, frgg. 6.1, 7a.1, 7b); этот цикл включает в себя I–XI династии, и в конце него Манефон помещает упоминание о 16 годах Амменемеса (frgg. 31–32a-b: Ἀμμενέμης, *Ammenemes*), не принадлежащего к XI династии и как бы вообще стоящего вне династической последовательности: разумеется, это основатель XII династии Аменемхет I. Второй цикл открывается царствованием Сенусерта I – Сесонхосиса (Σεσόχωσις, *Sesonchosis*) в грецизированном варианте этого имени, известном не только у Манефона и в античной традиции ещё IV в. до н. э. и нередко контаминирующимся с именем фараона-завоевателя Сесостриса (Σεσόχωσις, *Sesostris*; cf. frgg. 34–36)². Этот цикл и второй томас Манефона охватывают династии с XII по XIX, и формально их финальной фигурой можно считать последнего царя XIX династии Туориса (Θουώρις, *Thuioris*), о котором сохранено знаковое упоминание, что он был современником взятия Трои (frgg. 55.6, 56a.5, 56b.5). Это упоминание не только свидетельствует о желании Манефона синхронизировать циклы египетской и греческой истории, но и, как недавно показал А. В. Сафронов, является вполне историческим и соответствует правлению царицы Таусерт в самом конце XIII в. до н. э.³ Заметим, однако, что эта яркая синхронизация – равно как и формальная историческая достоверность, сообразно которой Таусерт действительно является последней фигурой в ряду правителей XIX династии, единственные основания для завершения именно на ней второго томаса исторической схемы Манефона: как Манефон определяет сущностную грань соответствующего цикла египетской истории, мы и намереваемся выяснить в этой работе. От решения этого вопроса зависит и определение точки отсчёта следующего, третьего цикла египетской истории, которому соответствует третий томас труда Манефона, включающий XX–XXX династии. Независимо от точного определения его начала, нельзя не обратить внимание на коррелят исторического Шешонка I – ещё одного Сесонхосиса (frg. 61a.1: Σεσόχωσις; frg. 61b.1: *Sesonchosis*), или Сесонхиса

(frg. 60.1: Σεσώχης) из труда Манефона, с которым, судя по некоторым узнаваемым параллелям прежде всего у Диодора Сицилийского (Diod. I. 53–58), ассоциировалось начало специфической ливийской военной государственности в Египте Позднего времени. По мнению ряда исследователей, XXXI династия, включающая последних персидских царей кануна завоевания Египта Александром, была интерполирована в царскую последовательность Манефона на уровне ее передачи христианскими хронографами⁴; соответственно его третий томас и соответствующий цикл египетской истории должен был завершаться на последнем царе XXX династии Нектанебе II (cf. frgg. 74a-c). Прямое подтверждение этому мы найдем в выведении суммы царствований истории Манефона в одном из начальных фрагментов согласно Синкеллу от «Местраима» (явным образом Менеса, имени которого придан эпонимный характер уподоблением древнееврейскому обозначению Египта), и именно до Нектанеба (frg. 6: ἀπὸ Μεστράϊμ... ἕως Νεκταναβῶ).

Как нам представляется, за приведенным абрисом исторического труда Манефона стоит весьма последовательная и адекватная египетским представлениям схема, ясная нам пока не во всех деталях. Тем не менее основные ее закономерности можно сформулировать следующим образом: по-видимому, в начале каждого томаса Манефона и соответствующего ему большого исторического цикла мы видим фигуру своего рода «царя-грюндера», деятельность которого надолго определяет облик египетского общества. Нет сомнений, что именно такие качества признавались за Менесом, причем применительно не только к III тыс. до н. э., но, по сути, ко всей египетской истории⁵; О. Д. Берлев показал, что именно это качество связывалось в египетской традиции, известной в античных изводах, с великим социальным реформатором Сенусертом I (Сесонхосисом или/и Сесострисом)⁶; и, как мы уже сказали, нечто аналогичное должны были усматривать и в деятельности Шешонка I применительно к Египту Позднего времени. Вслед за грюндерским временем египетское общество стремится к периоду расцвета и затем к некоей точке надлома. Фрагменты Манефона позволяют довольно точно отождествить этап расцвета для второго цикла египетской истории (это, несомненно, время Сесостриса, восходящего к историческому Сенусерту III, когда, по Манефону, Египет достигает небывалого и уже не повторившегося внешнего могущества: frgg. 34.3, 35.3, 36.2), а «точку надлома» – для третьего цикла (на наш взгляд, это должно быть царствование Бокхориса, при котором якобы «заговорил ягненок», напророчив, как известно из посвященного этому предсказанию демотического текста⁷, бедствия Египта: frgg. 64, 65a-b). Неясность по поводу «фаз расцвета» и «точек надлома» в других томасах Манефона следует отнести на счет степени сохранности его труда и, как представляется, можно и должно компенсировать, прибегая собственно к иероглифической традиции. Последняя вносит, например, практически полную ясность по поводу соответствующих моментов исторического цикла III тыс. до н. э.: из «Пророчества Неферти» ясно, что финалом поры расцвета и в то же время моментом надлома в этом цикле должно быть царствование Снофру, при котором (как через цикл при Бокхорисе!) было уже возможно предугадать бедствия Египта после эпохи строителей великих пирамид (ср. описание и оценку этой эпохи в pWestcar и у Геродота: Herod. II. 124–128⁸). Наименее ясна нам внутренняя структура цикла второго томаса Манефона, приходящегося на II тыс. до н. э.: можно лишь предполагать, что надлом в нем должен был произойти вслед за благоприятной эпохой Сенусерта III/Сесостриса и, весьма возможно, в связи с первым вторжением в Египет гиксосов (Manetho, ed. W. G. Waddell, frgg. 42–49).

Вслед за моментом надлома Египет устремляется к катастрофе, по-видимому не имеющей прямой причинно-следственной связи с событиями середины исторического цикла, но все же наступающей неотвратимо в его конце. В отождествлении катастрофы конца первого исторического цикла не может быть сомнений: это I Переходный период, при том что описание VIII–XI династий вообще дано Манефоном предельно сжато (frgg. 23–32: эпитоматоры не приводят списков их царей, и это объяснимо лишь их отсутствием у самого Манефона!). Катастрофа конца второго цикла – это цепь событий, связанных с неким царем Аменофисом и установлением в Египте второго владычества гиксосов в союзе с местными изгоями-«прокаженными», о чем мы и собираемся говорить далее. Наконец, катастрофа конца третьего цикла Манефона – это, судя по всему, второе завоевание Египта персами при Нектанебе II; казалось бы, кратковременность этого эпизода не идет ни в какое сравнение с I Переходным периодом, однако и кризис конца второго цикла при Аменофисе был бедственным, но не слишком продолжительным (возможно, и в описании катастрофы I Переходного периода у Манефона, как и в «Пророчестве Неферти», был каким-то образом выделен короткий кризис конца XI династии, на фоне которого произошло возвышение Аменемхета I/«Амени»/«Аменемеса» и окончательное конституирование государственности Среднего царства⁹). Каждая из этих катастроф «избывается» возвращением страны к стабильности и норме, вслед за которым следует начало нового исторического цикла. По сути дела, едва ли будет неверным сказать, что сами большие исторические циклы, наблюдаемые у Манефона, представляют собой этапы постепенного вытеснения нормы-*маат* антиначалом-*исефет*, аналогичные по своей природе тому, что наблюдается в рамках отдельных царствований или правлений династий, но много бóльшие по своей протяженности.

Особенностью данной схемы, принципиальной для настоящей работы, является то, что смена исторических циклов и вместе с тем связка между ними, похоже, мыслится Манефоном, а по сути и египетской исторической традицией в целом, персонализированной в паре «отец и сын»: «царь-грюндер» вновь наступившей исторической эпохи является сыном и преемником царя, избывшего беду эпохи предыдущей. В максимально чистом, не вызывающем сомнений виде эта особенность проявляется в том, как представлена грань между первым и вторым циклами Манефона: и в его труде, и в исторической реальности Сесонхосис/Сенусерт I является сыном Аменеммеса/Аменемхета I. О последнем Манефон не сообщает, по сути, никаких деталей; однако мы имеем благоприятную возможность почерпнуть их из «Пророчества Неферти», где, как известно, именно Амени представлен как царь, при котором были преодолены бедствия I Переходного периода (pHerm. 1116B. 58 слл.)¹⁰. Его сын Сенусерт I – Сесонхосис Манефона и некоторых античных авторов – в известном смысле «пришел на готовое», но внес собственный фундаментальный вклад в начало новой эпохи не прекращением предшествующего хаоса, а формированием новых общественных установлений. Недавнее наблюдение А. Е. Демидчика показывает, что подобное «распределение ролей» между отцом и сыном – основоположниками новой эпохи – сложилось в египетской идеологии несколько раньше начала XII династии, еще в «Поучении царю Мерикара»: его автор Хети III Уахкара пытается черне стабилизировать обстановку в своих владениях и воссоздать такие атрибуты государственности III тыс. до н. э., как столица и царский некрополь в Мемфисе, – однако окончательное восстановление

порядка он связывает со своим сыном, о котором, как он надеется, смогут сказать «прекративший время болезни!» (pHerm. 1116A. 143)¹¹.

О паре «отец и сын» в конце второго томоса Манефона мы пока не будем говорить просто потому, что выяснение связанных с нею деталей и составляет цель нашего анализа. Что касается конца третьего томоса, то ярче всего соответствующая этому этапу пара «отец и сын» представлена вне труда Манефона, в сюжете, который сложился, видимо, примерно одновременно или чуть позже – к середине III в. до н. э. – и в итоге стал основой позднеантичного «Романа об Александре»¹². Согласно этому сюжету, Нектанеб, прославившийся на египетском престоле как волшебник, отражавший врагов не силой оружия, а своим искусством, однажды убедился, что оно бессильно, так как кораблями его чужеземных врагов правят сами боги Египта (Hist. Alex. Magni, rec. α'. I. 3). Судя по фрагменту, известному под названием «Сон Нектанеба», поводом к такому гневу богов на царя могла стать небрежность в оформлении храма Онуриса в Севенните – родовом гнезде XXX династии, причем сам Нектанеб узнает об этом, когда во сне ему является видение самого Онуриса, жалующегося на это Исида (UPZ I. 81. III. 5–9). Нектанеб бежит из Египта в Македонию, где от его связи с царицей Олимпиадой рождается Александр Великий; между тем египтяне получают от оракула «невидимого бога Синопсы» (будущего Сараписа) предсказание, согласно которому бежавший Нектанеб «вернется спустя время возрожденный, отбросив старческое в своем облике, обойдя мир и даровав вам [египтянам] подчинение врагов» (Hist. Alex. Magni, rec. α'. I. 3.5: ...ἤξει μετὰ χρόνον νέος, τὸ γηραλέον ἀποβαλὼν τύπων εἶδος, κόσμον κυκλεύσας, ἐπὶ τὸ Αἰγύπτου πεδίον, ἐχθρῶν ὑποταγὴν δίδους ἡμῖν); в итоге это предсказание сбывается с вступлением Александра в Египет и подчинением этой стране в лице ее нового царя¹³. Вместе с тем вполне понятно, что сама идея египетского происхождения Александра могла быть порождена лишь неофициальной пропагандой македонского владычества в Египте, рассчитанной на неискушенную аудиторию, и заведомо оказывалась вне круга корректных историко-идеологических построений, к которым принадлежала схема Манефона. Кроме того, хотя пара «отец и сын» и вырисовывается в данном сюжете очень четко, в нем обнаруживается принципиальное отступление от замеченной нами закономерности связки между историческими циклами: отец Нектанеб предстает в нем не правителем, избывшим бедствие Египта, а, напротив, его виновником. Даже априорно, исходя из логики данной закономерности, можно предположить, что с точки зрения исторической схемы, представленной в его труде, последним царем третьего цикла египетской истории, избывшим его финальное бедствие, должен был считаться Александр; в таком случае «царем-грюндером» нового, уже четвертого цикла, в начале которого и довелось жить Манефону, был бы, очевидно, Птолемей Сотер. Подтверждение этого предположения можно увидеть в недавней и довольно правдоподобной интерпретации одного из фрагментов «Демотической хроники», согласно которому в благом правителе из Гераклеополя, приход которого должен положить конец целой эпохе разброда и шатаний, делящейся с начала IV в. до н. э., нужно видеть именно Птолемея (pBibl. Nat. 215 rec. II/19-III/8¹⁴). Разумеется, связать Александра и Птолемея филиацией было невозможно (хотя в «Романе об Александре» они оказываются братьями – Hist. Alex. Magni, rec. α'. III. 32¹⁵, – а в официальной идеологии происхождения и Аргеадов и Птолемея возводилось к Гераклу: Theocr. XVII. 20–27¹⁶), однако применительно к правителям недавнего на то время прошлого это могло быть и не столь насущно.

Наконец, отметим еще одну закономерность, которая проявляется во втором томосе Манефона и сыграет важную роль в наших построениях ниже. Хорошо известно, что в античной рецепции египетской традиции своего рода «маркером» военных достижений Египта во II тыс. до н. э. оказывается образ великого завоевателя Сесостриса, восходящий, как признано большинством исследователей, к историческому Сенусерту III (см. примеч. 2 настоящей работы). Говоря о нем в соответствующем месте (см. отсылки к фрагментам выше), Манефон, по сути, повторяет сведения, известные и от античных авторов, в том числе сообщения о размахе завоеваний Сесостриса до Фракии включительно, очевидно принимая их историчность, что возможно только при действительном соответствии античной передачи этих сведений их исходному (как видно, сильно искаженному реальностью) египетскому прототипу¹⁷. В то же время ни в одном ином фрагменте второго томаса Манефона нет упоминаний о египетской экспансии в Азии после Сенусерта III, в частности в эпоху, соответствующую Новому царству нашей терминологии. Изложение Манефоном военных событий этого периода подробнее всего сохранено Иосифом Флавием в его передаче рассказа о гиксосском владычестве: однако азиатские войны, которые, по Манефону, ведут цари XVIII династии от Яхмоса I/«Амосиса» и до Тутмосов III, IV/«Мисфрагмутосиса» и «Тутмосиса» и представляют собой, по приписываемым им итогам, изгнание гиксосов из Египта (Manetho, ed. W. G. Waddell, frg. 42 = Ios. C. Ap. I. 14. § 86–88; заметим, что в исторической реальности на этот этап приходится установление власти Египта над Средиземноморьем вплоть до Евфрата и активная фаза противостояния на севере этого региона с Митанни¹⁸). В своем подробном и пока еще не опубликованном исследовании фрагментов Манефона, связанных с гиксосским владычеством, А. А. Немировский отметил следующий, пока еще не вполне оцененный момент: согласно Манефону, Египет со времен Сесостриса не только не ведет собственной экспансии в Азии, но и противостоит, не наступая, а обороняясь, по сути дела, одному и тому же этнополитическому образованию – союзу гиксосов, который после их изгнания из Египта трансформировался в протоеврейское государство с центром в Иерусалиме и, в конечном счете, в Израильско-Иудейское царство Давидидов. При этом Манефон упоминает всего два эпизода активного противостояния Египта и этой внешней силы за все его время: собственно гиксосское завоевание Египта и при царе Аменофисе его более краткое повторение иерусалимскими наследниками гиксосов в союзе с египетскими «прокаженными». Таким образом, в изложении Манефоном военной истории реального Нового царства можно вывести такую закономерность, как явное стремление свести к абсолютному минимуму и этапы египетской экспансии в Азии, и число внешних противников Египта. В основе этой закономерности лежит, вероятно, целый ряд факторов, но один из них, на наш взгляд, должен сводиться к следующему: ко времени Манефона адекватное представление о военно-политической истории Передней Азии во второй половине II тыс. до н. э. должно было быть уже утрачено¹⁹. В этой ситуации неоднократная, как это и было на самом деле, смена противников Египта в этом регионе, а равно чередование этапов завоевания, утраты и повторного завоевания одних и тех же земель могли казаться Манефону и его современникам менее правдоподобными, чем сведение этой стороны египетской истории до немногих, буквально одного-двух этапов, историчность которых не вызывала сомнений; в традиции I тыс. до н. э. этими этапами и оказались деятельность Сесостриса и взаимодействие Египта с гиксосами.

Посмотрим теперь на события, которые связанная с Манефоном традиция помещает у финала второго томаса труда и соответствующего ему исторического цикла. Согласно прямому изложению Манефона Иосифом Флавием (Ios. C. Ap. I. 26. § 232–251), некий фараон Аменофис (Ἀμένωφίς) пожелал «созерцать богов» (θεῶν γενέσθαι θεατῆν) и по совету своего придворного мудреца Аменофиса, сына Пааписа (διωιύμω μὲν αὐτῷ Ἀμενώφει, πατρός δὲ Παάπιος ὄντι), отправил 80 тысяч прокаженных и больных, мешавших этому своей нечистотой, в каменоломни к востоку от Нила. Далее мудрец устроился мести богов за собственный совет, предсказал, что спустя время эти прокаженные в союзе с внешними врагами на 13 лет подчинят Египет, и покончил с собой. Фараон впал в уныние, освободил узников каменоломен и поселил их в прежнем гиксосском Аварисе; через некоторое время их вождь, «некий жрец из Гелиополя по имени Осарсиф» (...τίνα τῶν Ἡλιοπολιτῶν ἱερέων Ὀσάρσηφον...), отправился к настоящим гиксосам в их столицу Иерусалим (Γιερουσόλυμα, Γεροσόλυμα) с предложением совместно напасть на Египет. Аменофис, узнав об этом, собрал войско, но уже с самого начала отправил своего сына «Сетоса, [звавшегося также и] Рамессес» (...τὸν δὲ υἱὸν Σέθω τὸν καὶ Ῥαμессή...) в безопасное место и в итоге не принял боя, а бежал в Эфиопию. Через 13 лет, в точном соответствии с предсказанием, Аменофис «и сын его Рампсес» (ὁ υἱὸς αὐτοῦ Ῥάμψης; понятно, что нюанс в передаче имени не влияет на тождество этого персонажа «Сетосу-Рамессесу» предшествующего пассажа) возвращаются из Эфиопии «с несметной силой», изгоняют захватчиков из страны и преследуют «до пределов Сирии». Помимо этих сведений, взятых непосредственно у Манефона, Флавий приводит также версию этих событий, изложенную греко-египетским автором I в. н. э. Херемоном (FGrHist. 618. F. 1 = Ios. C. Ap. I. 26. § 288–292). Вводимые Херемоном нюансы состоят в том, что поводом к этим событиям оказывается гнев Исида на царя Аменофиса за разрушение ее храма во время войны, о чем богиня сообщила ему сама, явившись во сне; совет изгнать «оскверненных», чтобы снискать расположение богини, исходит от жреца по имени Фритибавт (Φριτιβαύτης); после вторжения гиксосов и «оскверненных» Аменофис бежит в Эфиопию, оставив в Египте ждущую ребенка жену, которая рождает сына, скрываясь от врагов; и именно этот сын по имени Рамсес, возмужав, изгнал врагов «в Сирию» и возвратил в Египет отца. Нужно отметить, что рассказ Херемона обнаруживает схожесть, с одной стороны, с циклом о Нектанебе (как мы помним, в «Сне Нектанеба» причиной бедствий стал также гнев богов на царя за небрежность к храму, доведенный до сведения царя через сновидение «с участием» Исида) и, с другой – с осирическим мифом (жена Аменофиса дает жизнь его сыну, как Исида Хору, таясь от преследователей, а сын этот также становится «мстителем» за своего отца). Заметим также, что имя «Аменофис» с уверенностью употребляется по отношению к царю, фигурирующему в этих событиях, в нарративе, передаваемом Флавием: собственно в царских списках, сохраненных эпитоматорами Манефона, на соответствующем месте находится имя Амменептес (frgg. 55–56a: Ἀμμένεφθης; frg. 56b: *Amenephtis*).

В большинстве интерпретаций данного рассказа Манефона высказывалось мнение, что излагаемые в нем события являются сильно преобразованной аллюзией амарнской эпохи. Высказывавшиеся в связи с этим исследователи видели в Аменофисе Аменхотепа IV/Эхнатона²⁰ либо Аменхотепа III, причем эта версия аргументировалась, разумеется, появлением рядом с ним «Аменофиса, сына Пааписа» – несомненной реинисценции Аменхотепа, сына Хапу²¹. В рамках данных интерпретаций обсуждался

и фигурирующий в этом рассказе мотив болезни и связанной с ней ритуальной нечистоты: так, Д. Редфорд связал его со словами «Реставрационной стелы» Тутанхамона об амарнском времени: «Была страна в прохождении болезни» (*wnn b3 m sni mnt*, Urk. IV. S. 2027:11) и предположил, что в обоих случаях данный мотив должен восходить к общей на Ближнем Востоке этого времени эпидемии чумы; О. Д. Берлев высказал более оригинальное мнение, что характерная манера изображения Эхнатона и его родичей на амарнских памятниках должна была, спустя длительное время, наводить на мысль о каком-то присутствии им тяжелом заболевании. Возникшая у Редфорда ассоциация с терминологией «Реставрационной стелы» может содержать рациональное зерно в том смысле, что понятие «болезнь» (*mnt*, Wb. II. 67:6, 10), как хорошо показал А. Е. Демидчик, обозначало для египтян катастрофическое нарушение нормы в отношениях с миром богов ввиду прекращения или неэффективности храмового ритуала²²; с этой точки зрения, люди, виновные в этом, невольно могли быть связаны с самим понятием «болезни» и на уровне более позднего воспроизводства таких реминисценций восприняты просто как больные и ритуально нечистые. Вместе с тем сама по себе прямая ассоциация рассказа об Аменофисе с амарнским временем неверна; и это убедительно показал в своих недавних исследованиях А. А. Немировский. Прежде всего он совершенно справедливо отменил отождествление Аменофиса с Эхнатомом: допустить преобразование амарнских реминисценций до такой степени, что Эхнатон превратился бы сначала в жертву, а затем в ниспровергателя собственной ереси, было бы равнозначно превращению Мама в вождя русских войск на Куликовом поле. Далее, Немировский внимательно проанализировал весь ряд царей XVIII и XIX династий у Манефона в версиях как Иосифа Флавия, так и эпитоматоров и пришел к фундаментальному по своей важности выводу о том, что на уровне собственно имен этот ряд почти идеально согласуется с исторической реальностью²³. Имя «Ам(м)енефтес /-фтис» (frg. 55.3: 'Αμμενέφτης; frg. 56a.3: 'Αμμενέφθις), соответствующее у христианских эпитоматоров Манефона «Аменофису» передачи Флавия, восходит при этом к эпитету «Возлюбленный Птахом» (*Mry.n-Pth*), связанному с личным именем царя, известного нам в основном как Саптах²⁴; собственно, царский список Манефона показывает, что довольно схоже – «Аменофат» (frg. 52.16: 'Αμενωφάθ – в ряду, причисляемом Манефоном к XVIII династии) – передается и имя собственно Мернептаха, сына Рамсеса II (характерно, что оно может передаваться также и как «Ам(м)енефис»: frgg. 53a.14, 53b.14). По существу, отступления царского списка Манефона в данной его части от реальности (то есть, коль скоро речь идет о Саптахе, от царской последовательности финала XIX династии) сводятся к следующему: во-первых, перед Амменефтесом/Аменофисом ошибочно интерполирован царь Рампсес (frgg. 56a.2, 56b.2), или Рапсак (frg. 55.2; с перенесением на него срока царствования Рамсеса III), при том что эта ошибка должна восходить к другой вариации имени Саптах – «Рамсес Саптах»²⁵; во-вторых, сразу после Амменефтеса/Аменофиса Флавий помещает пресловутого «Сетоса, звавшегося также Рамессес», или Рампсеса, а Африкан в передаче Синкелла – просто «Рамессеса» (frg. 55.4: 'Ραμессήης; надо заметить, что версии, восходящие к Евсевию, такой ошибки не допускают: frgg. 56a-b). Для наглядности мы суммируем данные Манефона в передаче Иосифа Флавия и христианских эпитоматоров по интересующему нас «участку» его последовательности царствований в таблице (жирным шрифтом выделены ключевые персонажи интересующего нас сюжета; серым фоном – царствования, отнесенные Манефоном к его XVIII династии)²⁶:

Сюжет об Аменофисе у Иосифа Флавия (frgg. 50, 54 = Ios. Flav. C. Ap. I. 96 ff., 231 ff.)	Фрагменты согласно Африкану (frgg. 52, 55)	Фрагменты согласно Евсевию (frgg. 53, 56)	Соответствие в историческом ряду
1. Харманс, 4 года и 1 месяц	1. Армесис, 5 лет	1. Арманс, или Данай, 5 лет	Хоремхеб
2. Рамессес, 1 год и 4 месяца	2/3. Рамессес, 1 год	2/3. Рамессес, или Египет, 68 лет	Рамсес I и Сети I, Рамсес II
3. Хармессес Мнамун, 66 лет и 2 месяца			Рамсес II
4. Аменофис, 19 лет и 6 месяцев	4. Аменофат, 19 лет	4. Амменофис, 40 лет	Мернептах
4а. Харманс/Хермайос (дублирует 1, только у Флавия; младший соправитель 5)			
5. Сетос-Рамессес, также Сетос, 59 лет	5. Сетос, 51 год	5. Сетос, 55 лет	Сети II
6. Рампсес, 66 лет	6. Ра[м]псак, 61 или 66 лет	6. Рампсес, 66 лет	Ложная интерполяция – реплика имени Саптах «Рамсес Саптах» как самостоятельного царствования (с перенесением на него продолжительности царствования Рамсеса II)
7. Аменофис	7. Амменефтес, 20 лет	7. Ам(м)енефтис, 40 (frg. 56a.3) или 8 (frg. 56b.3) лет	«Мернептах»-Саптах
7а. Сетос-Рамессес, Рампсес	7а. Рамессес, 60 лет		Интерполяция, соответствующая контаминированным царствованиям Сетнахта и Рамсеса III (см. ниже)
	8. Амменемнес, 5 лет	8. Амменемес, 26 лет	Аменмесу
	9. Туорис, 7 лет	9. Туорис, 7 лет	Таусерт

Дальнейший наш анализ будет посвящен установлению истоков присутствующей, как мы видим, в последовательности царей у Манефона прочной связки «Амменефтес/Аменофис – Рамессес/Сетос-Рамессес(-Рампсес)» и выяснению ее значения в финале второго томоса Манефона. Установление корректности царского списка Манефона и точная «локализация» Амменефтеса/Аменофиса в конце XIX династии привело А. А. Немировского к еще одному очень важному выводу: единственными событиями этого этапа египетской истории, которые могут быть истолкованы как вторжение из Азии, может быть противостояние Египта и «народов моря». Кроме того, А. В. Сафронов убедительно показал наличие египетских источников, прямо отождествляющих «народы моря» с «азиатами» (*stjw*)²⁷. В то же время было бы бессмысленно отрицать наличие в сведениях Флавия о царе Аменофисе «амарнского слоя»: совершенно четкой амарнской, вернее преамарнской, аллюзией является, вне всякого сомнения, упоминание в связи с этим царем «Аменофиса, сына Пааписа». Соответственно данный эпизод традиции Манефона является контаминацией воспоминаний о кризисе амарнского времени и кризисе рубежа XIX–XX династий с высокой ролью в нем чужеземцев, а его интерпретация должна включать выявление предпосылок, благодаря которым такая контаминация стала возможна.

На самом деле, существенные формальные предпосылки к этому содержатся в самом ряду имен правителей обеих исторических эпох. Исследователи уже давно связывают зарождение тенденций амарнского времени не с Эхнатомом, а с его отцом Аменхотепом III – собственно, Аменофисом царского списка Манефона, отождествленным с Мемноном (frgg. 52.8, 53a.7, 53b.7)²⁸. Далее у Манефона приводится целый ряд имен, соответствующих амарнским царям и Хoremхебу – Армесису (frg. 52.14) или Армансу (frgg. 53a.12, 53b.12) его списка; в то же время вполне очевидно, что корни карьеры Хoremхеба не позволяли отделить его от амарнского времени²⁹, и таким образом первым по-настоящему постамарнским царем должен был считаться Рамсес I – еще один Рамессес Манефона (frgg. 52.15, 53a.13, 53b.13). Известно, что Рамсес I правил всего один год, причем, скорее всего, сразу совместно с Сети I³⁰: между тем коррелята Сети I в списке Манефона как раз нет, и он, очевидно, также поглощается Рамессесом. Соответственно пара, «обрамляющая» амарнское время, в исторической реальности и в царской последовательности Манефона должна выглядеть «Аменхотеп III – Рамсес I и Сети I / Аменофис Мемнон – Рамессес». Что касается кризиса рубежа XIX–XX династий, то начался он при Мернептахе/Аменофате, или Аменофисе Манефона, а окончательно преодолен был в исторической реальности лишь при Сетнахте и Рамсесе III, когда стабилизировалось внутреннее положение и были отражены последние волны нашествия «народов моря». В то же время XX династия, во-первых, причисляется Манефоном всецело к следующему, третьему циклу египетской истории (при том что кризис, связанный с «народами моря», должен полностью приходиться на конец второго цикла), и, во-вторых, упоминается без перечисления царских имен (frgg. 57a-c). При этом, как мы видели, именно с Амменефтесом/Аменофисом и его сыном «Сетосом», звавшимся также] и Рамессес», или Рампсесом, связывается полное преодоление бедствий, вызванных нашествием гиксосов и прокаженных. Похоже, что интерполяция «Сетоса, звавшегося также] и Рамессес» (Рампсеса) после Амменефтеса/Аменофиса – это и есть помещение Манефоном в его царскую последовательность реминисценций о Сетнахте и Рамсесе III, слитых в единый образ. Однако в таком случае мы получаем еще одну

пару «Амменефтес/Аменофис – Сетос-Рамессес(-Рампсес)», «обрамляющую» на этот раз кризис рубежа XIX–XX династий и практически полностью совпадающую с «обрамлением» амарнского кризиса, причем в обоих случаях завершающий компонент этого обрамления – это синтетическая фигура, «составленная» из царей с именами Рамсес и Сети.

Следующий важный момент – это внутри- и внешнеполитическое содержание кризисов амарнского времени и рубежа XIX–XX династий. Религиозно-идеологические импликации Амарны хорошо известны, как и то, что даже при Тутанхамоне это время именуется «болезнью», а при первых Рамессидях Эхнатона вовсе именуют «мятежником» (может быть, амарнское время – «мятежом»; pBerl. 3040a: *p3 biw*) или «врагом из Ахетатона» (надпись из гробницы Меса времени Рамсеса II в Саккара – *p3 hrw n 3ht-itn*)³¹. Нам не хотелось бы углубляться в такой специальный и запутанный сюжет, как внутренняя ситуация в Египте конца XIX династии, напомним лишь, что по миновании этого времени, при Сетнахте, согласно «Большому папирусу Харрис», «очищали трон» (pHarris I. 75.8-9)³², а в титулатуре Саптах, по замечанию Ю. Я. Перепелкина, можно усмотреть амарнские ассоциации (тронное имя *3h-n-R*^c, близкое, по мнению исследователя, к *3h-n-itn*)³³. Иными словами, обе эти эпохи по своим симптомам во внутренней жизни Египта могут, без сомнения, быть квалифицированы как некая скверна, отступление от нормы в опосредованных сакральным правителем отношениях с божествами. Здесь следует вспомнить, что именно по этим мотивам правители амарнского времени были выброшены из рамессидских храмовых царских списков, а все это время присчитано к годам Хoremхеба³⁴: распространение же одного амарнского времени на самого Хoremхеба закономерно привело бы к тому, что первым легитимным преемником Аменхотепа III был бы сочтен Рамсес I! Аналогичная манипуляция в отношении скверны конца XIX династии привела бы к тому, что таким же «прямым преемником» Мернептаха был бы сочтен Сетнахт; путь же от установления такого преемства к постулированию филиации между этими правителями вполне понятен. Что касается внешнеполитического содержания обеих кризисных эпох, то в амарнское время уже при Эхнатоне обрушилось равновесие в Передней Азии, основанное на согласии между Египтом, Митанни и Вавилоном; Митанни было поглощено Хеттским царством, и внятно обозначился конфликт между ним и Египтом, который разразился при Хoremхебе и привел к утрате египтянами всех азиатских владений. Относительная компенсация этого кризиса наметилась лишь при Сети I, как мы помним, поглощенном в царском списке Манефона Рамессесом. В конце XIX династии, при Мернептахе, на Египет обрушиваются «народы моря» – опять же с восточного направления, при том что об идентификации их представителей как «азиатов» мы уже говорили; окончательно справился с ними, как мы знаем, лишь Рамсес III – Сетос-Рамессес(-Рампсес) Манефона. Как мы уже говорили, в схеме Манефона на всем протяжении Нового царства единственным враждебным соседом Египта в Азии является «постгиксосское/протоеврейское» царство со столицей в Иерусалиме, так что в рисуемой им реальности на обоих этапах, о которых идет речь, – и в конце XVIII, и в конце XIX династии – опасность для Египта с востока могла бы исходить только от него. Таким образом, оба эти кризисных периода в истории Египта обнаруживают такие совпадения в именах их важнейших фигурантов и в очертании происходивших на их протяжении событий, что представители египетской историографии I тыс. до н. э., скорее всего, должны были не столько поражаться

сходству между двумя эпохами, сколько испытывать почти непреодолимые трудности в их различении.

Сказанное, по существу, уже раскрывает механизм контаминации воспоминаний об обоих этих кризисах и их слиянии в рассказ об Аменофисе и Сетосе-Рамессесе(-Рампсесе) в труде Манефона. По-видимому, отправной точкой этого процесса было представление позднеегипетской историографии – совершенно верное! – о том, что при царе Амменефтесе – историческом Мернептахе – на Египет обрушилось вторжение, породившее в дальнейшем большую беду, но преодоленное при участии самого этого царя. В то же время с реминисценциями об Амменефтесе соседствовали воспоминания о Сетосе-Рамессесе(-Рампсесе) как о царе, с одной стороны, также отражавшем данное нашествие, с другой стороны, ставшем «грюндером» новой исторической эпохи. Второй мотив должен был войти в образ этого царя благодаря тому, что кризис рубежа XIX–XX династий – это и в самом деле рубеж, по большому счету разделяющий египетские классическую древность и Позднее время, но также и поскольку «грюндерство» и благодеяния собственной стране настойчиво приписывались Рамсесом III самому себе, как позволяют судить его самохарактеристики в Большом папирусе Харрис (pHarris I. 76.5, 78.8–79.3). Третьим моментом, синтезирующим реминисценции об этих двух царях, стало, видимо, представление об их легитимной преемственности, трансформировавшейся в сознании поздних историографов в преемство прямое и, собственно говоря, в филиацию. В итоге на пару «Амменефтес – Сетос-Рамессес(-Рампсес)» оказалось перенесено характерное для связки между большими циклами в египетской исторической концепции «распределения ролей»: «царь-отец, избывший большое бедствие, – царь-сын, продолживший его дело и утвердивший заново государство». При этом естественным образом деятельность исторического Мернептаха по отражению «народов моря» была перенесена на правителя того же имени, стоящего ближе к концу XIX династии и, стало быть, к финалу второго исторического цикла и к образу Сетоса-Рамессеса(-Рампсеса); последний же, вопреки реальности, оказался, как предполагаемый сын Амменефтеса, и вовсе втянут в состав XIX династии. Следующим этапом трансформации этого конструкта стала его ассимиляция с реминисценциями амарнского времени: повторим еще раз, что главным посылом для этого должна была быть уверенность в невозможности столь полного совпадения двух не слишком отстоящих друг от друга по времени кризисных эпох. Понятно, что в таком случае подверстываться к другому времени должны были именно события Амарны, а не рубежа XIX–XX династий: из этих двух кризисов именно второй должен был сохранить самостоятельность как более фундаментальную грань между крупнейшими эпохами египетской истории. В то же время аутентичное имя «Аменофтес» было полностью ассимилировано в рассказе о соответствующих событиях именем «Аменофис» (в корректном виде оно сохранилось там, где задача фиксации царского списка превалировала над задачей рассказа о его фигурантах, – у эпитоматоров), а на саму эту фигуру оказалось перенесено несвойственное ей исходно качество не только современника, но и виновника постигших Египет бедствий³⁵. При всех этих манипуляциях в сравнительной неприкосновенности осталась лишь сама последовательность царских имен, известная позднеегипетским историографам и Манефону: из нее не выпали и даже не утратили свое корректное положение ни имена, соответствующие амарнским царям, ни Аменмесес/Аменмесу и Туорис/Таусерт (о ней в силу синхронности ее

царствования падению Трои помнили, видимо, как о последней в ряду XIX династии особенно твердо). В то же время все эти персонажи оказались, по-видимому, неожиданным образом полностью очищены от одного, присущего их эпохам в реальности: он должен был целиком и полностью перейти на время Аменофиса и его неблагоприятных деяний в отношении пресловутых прокаженных.

Как мы видим, возникший таким образом синтетический сюжет об Аменофисе и Сетосе-Рамессесе(-Рампсесе) хотя и отстоял от формального рубежа второго цикла египетской истории (царствования Туориса/Таусерт), но все же, судя по всему, принял на себя роль его завершения и связки с последующей исторической эпохой. Фактически у этой новой эпохи, значение которой для позднеегипетских историографов определялось в большой мере тем, что до начала эллинизма это была их современность, оказалось два начальных рубежа: качества «грюндера» египетского общества I тыс. до н. э. в сохранившихся изводах его традиции присущи в большей степени Сесонхосису/Шешонку I, чем Сетосу-Рамессесу(-Рампсесу) (у последнего нам приходится их фактически угадывать). Вместе с тем о значении этого сюжета позволяет судить число порожденных им вариаций. Мы уже обратили внимание на то, что Херемон в I в. до н. э. (или его первоисточники) модифицирует этот сюжет таким образом, что он приобретает, в общем, ожидаемые в Позднее время черты сходства с осирическим мифом. Кроме того, некоторые исследователи заметили ощутимое структурное сходство мотива бегства египетского царя перед угрозой врагов и его последующего возвращения (в собственном лице и/или в лице его сына и наследника) в сюжетах об Аменофисе и о Нектанебе и Александре³⁶. На самом деле, сходство двух сюжетов не ограничивается этим: еще более существенно, что Нектанеб, как мы уже говорили, тоже приобретает черты виновника обрушившегося на Египет бедствия, которые в принципе не должны быть характерны для «царя-отца», стоящего на стыке двух больших исторических циклов, – и это может объясняться моделированием уже в начале эллинистического времени концовки третьего цикла египетской истории в рамках цикла о Нектанебе по образцу, заданному сюжетом об Аменофисе как концовкой второго цикла. Похоже, что образ Аменофиса стал в позднеегипетской историографии – независимо от Манефона и, вероятно, значительно раньше его времени – своего рода эталоном царя, отступившего от норм *maat* и понесшего за это вместе с Египтом возмездие, и который был выведен на «материале» второго цикла египетской истории³⁷. В известном смысле в условиях I тыс. до н. э. данный образ и связанный с ним сюжет должны были принять на себя ту же смысловую нагрузку негативного опыта, приобретенного царской властью, которая в среднеегипетской литературе была отведена реминисценциям о Хуфу и его преемниках.

³⁵ До сих пор эти наши наблюдения не публиковались; в наиболее полном виде они были озвучены в докладе «Циклы египетской истории и три *тамоса* труда Манефона» на научной конференции «Актуальные вопросы истории Древнего мира» в Киевском национальном университете им. Тараса Шевченко (май 2007 г.). В целом о труде Манефона

см.: Helck W. Untersuchungen zu Manetho und den ägyptischen Königslisten. B., 1956; Dillery J. The First Egyptian Narrative History: Manetho and Greek Historiography // ZPE. 1999. Bd 127. S. 93–116; Goxzoli R. The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millennium B. C. (ca. 1070–180). Trends and Perspectives. L., 2006. P. 191–226; Спрыев В. В.

Манефон и его время. СПб., 2003 (перепечатка исследования 1920-х гг., которое было не во всем состоятельно и в момент появления, а на сегодняшний день сильно устарело). В отношении позиции гиперкритики труда Манефона в целом и его передачи Флавием в частности, высказывавшейся в современной отечественной литературе А. Г. Суцеским (*Суцеский А. Г.* Сообщение Геродота о царских списках египтян // *Ассириология и египтология*. СПб., 2000. С. 147), мы полностью разделяем ее негативную оценку А. А. Немировским (*Немировский А. А.* Гиксосы: к вопросам именования и происхождения // *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций*: Сб. ст. М., 2001. С. 135, 136, примеч. 125).

² Об одном из ключевых фрагментов, фиксирующих эту контаминацию, — сообщении схолий к Аполлонию Родосскому с отсылками к трудам Геродота и авторов IV в. до н. э. Феопомпа и Дикеарха (Schol. Apoll. Rhod. IV. 272 sq.) с подробным цитированием данного фрагмента см.: *Иванчик А. И.* Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // *ВДИ*. 1999. № 4. С. 18, 19; *он же*. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. С. 204, 205. Мы не согласны с А. И. Иванчиком в его мнении, что форма имени «Сесонхосис» в данном фрагменте введена схолиастом, а не восходит к произведению Дикеарха, то есть к концу IV в. до н. э., еще до появления труда Манефона. В целом об образе Сесостриса в восходящей к египетским информаторам античной традиции помимо указанных работ А. И. Иванчика см.: *Malaise M.* Sésostris, Pharaon de légende et d'histoire // *CdÉ*. 1966. T. 41. P. 244–272; *Lloyd A. B.* Herodotus, Book II. Commentary 99–188. Leiden, 1988. P. 244–272; *Obsomer Cl.* Les campagnes de Sésostris dans Hérodote. Bruxelles, 1989.

³ *Сафронov А. В.* Этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в кон. XIII — нач. XII вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 13.

⁴ *Redford D. B.* Pharaonic Kings-Lists, Annals and Day-Books: A Contribution to the Study of

the Egyptian Sense of History. Missisauga, 1986. P. 331; *Lloyd A. B.* Manetho and the Thirty-First Dynasty // *Pyramid Studies and Other Essays Presented to I. E. S. Edwards*. L., 1988. P. 154–160; *Goszoli.* The Writing of History... P. 193. N 12.

⁵ См. нашу относительно недавнюю сводку: *Ладынин И. А.* Античная традиция о Менесе: К проблеме реликтов древнеегипетского героического эпоса // *Древние цивилизации Старого и Нового Света: Культурное своеобразие и диалог интерпретаций*: Сб. ст. М., 2003. С. 139–150.

⁶ *Берлев О. А.* Древнейшее описание социальной организации Египта // *Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке*. М., 1984. С. 34.

⁷ *Thissen H.-J.* Das Lamm des Bokchoris // *Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten*. Leiden, 2003. S. 113–138.

⁸ *Демидчик А. Е.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005. С. 92 (об истоках связанного с этой эпохой в ее восприятии египтянами «негатива» в памяти о том, что ее цари, по сравнению с собственным пирамидным строительством пренебрегали обеспечением культа богов); *Ладынин И. А.* «Нечестивый правитель» в религиозно-идеологической традиции древнего Египта II тыс. до н. э. // *Культурное наследие Египта и христианский Восток: Материалы международных научных конференций*. М., 2002. С. 160–168 (об образе Хуфу в сказках папируса Весткар).

⁹ *Демидчик.* Безымянная пирамида... С. 48.

¹⁰ Заметим, что преодоление бедствий связывается «Пророчеством Неферти» с совершением Амени ритуалов восшествия на престол (pHerm. 1116B. 59–60; *Демидчик.* Безымянная пирамида... С. 48), но не с какими-либо прагматическими его действиями; между тем не вызывает сомнений, что те же самые ритуалы совершали и его предшественники I Переходного периода, позиционировавшие себя в качестве легитимных царей Верхнего и Нижнего Египта (хотя бы затем они и их современники и «стеснялись» употреблять их теофорные имена, свидетельствовавшие о сакральности их

власти, на фоне практической недейственности совершаемых ими ритуалов: *Демидчик.* Безымянная пирамида... С. 46, 47). Причина того, что именно Амени в качестве царя вернул действенность ритуалу, и само его восшествие на престол содействовало избытию бедствия, в «Пророчестве» не обсуждается: вообще, создается впечатление, что весь период бедствий I Переходного периода, предвещенный Неферти, в концепции «Пророчества» «подан» не как кара за какие-то систематические отступления царей от *маат* (а так, видимо, надо было бы понимать дело ввиду оценки времени Хуфу и его преемников в pWestcar и у Геродота!), а как что-то неизбежное, что должно постигнуть Египет и быть преодолено. Можно предположить, что подобная «фаталистическая» трактовка, затеняющая и проблему вины царей отдаленного прошлого в наступлении бедствий, и заслуг недавнего царя — в их преодолении, подсказана обстановкой XII династии, в которой обсуждение проблемы вины и, более широко, ответственности царя в тексте, продублированном официальной идеологией, была бы нежелательна.

¹¹ *Демидчик А. Е.* Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. С. 49–53 (здесь в связи с возвращением при Хети III Уахкара столицы в Мемфис с серьезными основаниями поставлены известия Диодора о водворении там столицы при некоем царе Ухоревсе; см. в развитие этого тезиса: *Ладынин И. А.* Царь Ухоревс (Diod. I. 50. 3–5) и его место в схеме истории Египта Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского // *Восток в эпоху древности. Новые методы исследований: междисциплинарный подход, общество и природная среда: Международная научно-практическая конференция: Тезисы докладов*. М., 2007. С. 53, 54). В связи с этим возникает невольная мысль, что «Поучение Аменемхета I своему сыну Сенусерту» нужно считать текстом, совершенно парным «Поучению царю Мерикара», который был заказан придворному публицисту Хети (pChester-Beatty IV ver. 6. 12–14) именно для того, чтобы перенести представление о стоящих на рубеже эпох «отце и сыне», созданное Хети

Уахкара (?) и, видимо, сочтенное полезным, на первых двух царей XII династии (причем перенести столь прочно, что примерно в таком виде оно закрепилось в египетской исторической традиции навсегда и дожило до времени Манефона!) и заодно предписывал Сенусерту куда более волюнтаристские и мизантропические методы «грюндерства», чем те, что рекомендовались в свое время Мерикара.

¹² Замечания к датировке возникновения александрийского прототипа египетских сюжетов в «Романе об Александре» см.: *Berg B.* An Early Source of the Alexander Romance // *GRBS*. Vol. 14. 1973. P. 381–387.

¹³ См. об этом мотиве: *Ладынин И. А.* «Πάλιν ἄρχει Ἀἴγυπτος» (Ps.Call. С. II. 27. 3): Еще раз о египетской царской титулатуре Александра Великого // *История: мир прошлого в современном освещении: Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова*. СПб., 2008. С. 245–259.

¹⁴ *Felber H.* Die Demotische Chronik // *Apokalyptik und Ägypten. Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten*. Leuven, 2002. S. 78, 79, 108, 109. Достоинством предположения Х. Фельбера является то, что, несмотря на сложности в «расшифровке» иносказаний «Демотической хроники», их конкретность предполагает все же, что все они относятся к совершенно определенным, уже состоявшимся на момент создания текста историческим эпизодам. Отнесение предсказания о правителе из Гераклеополя к неопределенному будущему, при все той же его конкретности, не особо выделяющей его из ряда других псевдопредсказаний данного текста, хотя и было до сих пор принято в литературе (*Lloyd A. B.* Nationalist Propaganda in Ptolemaic Egypt // *Historia*. Bd 31. 1982. S. 42; *Johnson J. H.* The Demotic Chronicle as a Statement of a Theory of Kingship // *JSSEA*. Vol. 13. 1983. P. 65), но на самом деле не особенно логично. Достаточно удовлетворительно, на наш взгляд, выглядит истолкование Х. Фельбером предполагающей в таком случае ассоциации Птолемея с Гераклеополем и культом Хернпшефа исходя из роли сопоставляемого с этим египетским богом Геракла в птолемеивской пропаганде

(*Felber*. Die Demotische Chronik. S. 108, 109); во всяком случае, мы не можем сказать, что более убедительные трактовки предлагались в прежней интерпретации данного мотива «Демотической хроники». Корректива к предположению Фельбера, которую стоит внести уже сейчас, относится к его трактовке фраз: «Первая череда, она приблизилась к запорам. — Это значит: правитель, который появится (*hpr*) в Египте, он приблизится к запорам. Это фараон, который отперет запоры. Вторая череда, это та, которая отперла. — Это значит: это второй правитель, который их (запоры) отперет. Третья череда, это та, которая отперла перед уреем. Это значит: третий правитель, который будет, владычеству которого будут радоваться» (рBibl. Nat. 215 rec. II/19–21). Исследователь полагает, что данная серия предсказаний относится к последовательности формально царствовавших в Египте Аргеадов — Александру Великому, Филиппу Арридею, Александру сыну Роксаны (*Felber*. Die Demotische Chronik. S. 108); на наш взгляд, это маловероятно — особенно учитывая отсутствие реального участия сына Роксаны в египетских делах, не оправдывающее столь значимую характеристику его царствования. Более правдоподобно — и, в общем, совместимо с помещением данной серии предсказаний примерно в начале текста, — что здесь речь идет действительно о трех «чередях» царей, правивших Египтом в течение всего прослеженного в «Демотической хронике» времени, т. е. IV в. до н. э.: относительно слабых правителях XXVIII–XXIX династий; царях XXX династии; и, наконец, македонских царях. Тогда «третий правитель... владычеству которого будут радоваться» — без сомнения, Александр Великий, что хорошо согласуется с закономерностями исторической схемы, о которой мы говорим. Видимо, «радость» его воцарения и связана с прекращением при нем бедствий — при том что подлинным устроителем жизни наново становится «гераклеополитанин» Птолемей.

¹⁵ *Berg*. An Early Source... P. 386.

¹⁶ *Hölbl G.* A History of Ptolemaic Empire. L.; N. Y., 2001. P. 96.

¹⁷ По-видимому, создание на основе реминисценций именно о Сенусерте III своего

рода гиперболы египетских завоеваний еще до Манефона, в египетской традиции, воспринятой тем же Геродотом (см. мнение о наличии уже в этой традиции четких указаний на географический размах завоеваний Сесостриса: *Иванчик*. Античная традиция о фараоне Сесострисе... С. 10, 11; *он же*. Накануне колонизации... С. 194–196; в египетском «романе» о нем, ставшем известном ранее всего Геродоту), объясняется не столько реальным размахом войн Сенусерта III, сколько тем, что именно этот царь не знал равных себе противников в окружавшем Египет мире. По мнению А. Е. Демидчика, Сенусерт III должен был скорее испытывать определенные проблемы с пропагандой своих успехов, учитывая, что в его пограничных стелах они подавались, в согласии с реальностью, как не столько экспансия, сколько успешная стратегическая оборона (*Демидчик*. Безымянная пирамида... С. 172, 173); в то же время именно он единственным из владык Среднего царства совершил успешный масштабный поход в Азию.

¹⁸ См. оптимальную в отечественной историографии сводку военно-политической истории взаимодействия Египта с переднеазиатскими великими державами в Восточном Средиземноморье второй половины II тыс. до н. э.: История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2: Передняя Азия, Египет. М., 1988. С. 229–262.

¹⁹ А. А. Немировский при обсуждении сюжета настоящей работы заметил, что и в современной историографии такое представление создается в гораздо большей мере клинописными, нежели египетскими источниками; последние — прежде всего, военные надписи царей — для адекватного их использования приходится тщательно сопоставлять с клинописными с целью точного отождествления употребляемых в них хоро- и топонимов, оценки достоверности приписываемых царям побед (в том числе выявления случаев, когда о них велась речь вопреки реальному соотношению сил, достигнутому в ходе того или иного конфликта, и т. п.). Кроме того, по-настоящему результативным мог бы быть лишь сплошной учет подобных свидетельств

по всем местам, где они обнаруживаются: в настоящее время это достигается в результате публикации археологических данных; понятно, однако, что ни один египтянин, интересовавшийся прошлым своей страны, не был в состоянии предпринять подобное «сплошное эпиграфическое обследование», к примеру, всех ее храмовых комплексов и, даже попытавшись совершить нечто в этом роде, оказался бы перед непосильной для него задачей интерпретации собранных данных.

²⁰ *Redford D. B.* The Hyksos Invasion in History and Tradition // *Orientalia*. Vol. 39. 1970. P. 44–49; *idem*. Pharaonic Kings-Lists, Annals and Day-Books... P. 293, 294; *Assmann J.* Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism. Cambridge; L., 1997. P. 23–54; *Schneider Th.* Ausländer in Ägypten während des Mittleren Reich und der Hyksosenzeit. Bd I. Wiesbaden, 1998. S. 76–98.

²¹ *Berlev O.* Der Beamte // *Der Mensch des Alten Ägypten*. Hrsg. S. Donadoni. Frankfurt a. M.; N. Y.; P., 1992. S. 118; *Gozzoli*. The Writing of History... P. 215, 216.

²² *Демидчик*. Безымянная пирамида... С. 44–50 (см.: «Поучение царю Мерикара» — рHerm. 1116A. 143 — и «Пророчество Неферти» — рHerm. 1116B. 38, 54).

²³ См. помимо упоминавшейся нами неопубликованной работы: *Ладынин И. А., Немировский А. А.* К эволюции восприятия амарнских царей и Хоремхеба в идеологической и исторической традиции древнего Египта // *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций*: Сб. ст. М., 2001. С. 92–99.

²⁴ *Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. СПб., 2000. С. 356; *Beckerath J. von.* Handbuch der ägyptischen Königsnamen. B.; München, 1999. S. 162, E3.

²⁵ *Beckerath*. Handbuch... S. 160, E1; о путанице в этих именах, приведшей к тому, что «первоначально ученые раздвоили Си-птаха в двух разных царей», см.: *Перепелкин*. История... С. 356.

²⁶ Ср. таблицу, составленную А. А. Немировским: *Ладынин, Немировский*. К эволюции восприятия... С. 92.

²⁷ *Сафронов*. Этнополитические процессы... С. 13, 14. Данный исследователь также

стоит на позиции отождествления рассказа Манефона и Херемона об Аменофисе с концом XIX династии, обращая внимание на сообщение Элефантинской стелы основателя XX династии Сетнахта об участии *sttyn* (очевидно, присутствовавших в Египте наемников из числа «народов моря») в событиях этого времени на стороне противников Сетнахта и, видимо, об их последующем изгнании из страны (*Seidlmeier S.-J.* Epigraphische Bemerkungen zur Stele des Setnachte aus Elephantine // *Stationen. Beiträge zur Kulturgeschichte Ägyptens* Rainer Stadelmann gewidmet. Mainz, 1998. S. 375); по его мнению, эти события и могли стать первоосновой рассказа Манефона и Херемона.

²⁸ См. о новых тенденциях времени Аменхотепа III, например: *Перепелкин*. История... С. 236–239; см. также соответствующие разделы в общих работах: *Aldred C.* Akhenaten: Pharaoh of Egypt — A New Study. N. Y., 1968; *Hornung E.* Echnaton: Die Religion des Lichtes. Zürich, 1995.

²⁹ *Ладынин, Немировский*. К эволюции восприятия... С. 91, 92.

³⁰ *Murnane W. J.* Ancient Egyptian Coregencies. Chicago, 1977. P. 182–185.

³¹ *Ладынин, Немировский*. К эволюции восприятия... С. 82.

³² *Сафронов*. Этнополитические процессы... С. 14.

³³ *Перепелкин*. История... С. 236–239; *Beckerath*. Handbuch... S. 162, T3;

³⁴ *Ладынин, Немировский*. К эволюции восприятия... С. 85–87.

³⁵ В ходе обсуждения на Петербургских египтологических чтениях 2008 г. нашего доклада, на котором основана настоящая статья, А. А. Ильиным-Гомичем был задан правомерный вопрос: следует ли понимать, что постулируемая нами контаминация исторических образов происходила независимо от очевидного несовпадения ассимилируемых при этом царских имен в их аутентичных иероглифических написаниях, по критерию одного лишь сходства исторических ситуаций, в которые были вовлечены их обладатели? Очевидно, на данный вопрос приходится ответить утвердительно, опираясь на такие присутствующие в египетской

исторической традиции примеры совершенно аналогичных контаминаций, как смешение у того же Манефона похожих эпизодов взятия Авариса при Яхмосе I и Мегиддо при Тутмосе III (что привело как к перенесению Манефоном имени «Тетмосис» на исторического Яхмоса I, согласно одному пассажию Флавия – frg. 50 = Ios. C. Ap. I. 15. § 94, так и, согласно другому пассажию, к уверенному наделению исторического Тутмоса III/«Мисфрагмутосиса» вкупе с его «сыном» Туммосисом, то есть историческим Тутмосом IV, качеством окончательного изгонителя гиксосов из Египта – frg. 42 = Ios. C. Ap. I. 14. § 86–88; Redford. *Pharaonic Kings-Lists...* P. 245; *idem*. *Textual Sources for the Hyksos Period // The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives*. Philadelphia, 1997. P. 25; ср. Тураев Б. А. *История Древнего Востока*. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 258, 267) или, в позднеегипетской традиции (в коптском «Романе о Камбисе» и «Хронике» Иоанна Никийского VII в. н. э.), эпизодов чужеземного вторжения в Египет при Навуходоносоре II (567 г. до н. э.) и Камбисе (причем с сохранением обоих имен данных правителей: Ладынин И. А., Немировский А. А. *Поход Навуходоносора II на Египет 567 г. до н. э. в сведениях египетской и ветхозаветной традиций: Предварительные замечания // Культурное наследие Египта и христианский Восток: Материалы международных научных конференций*. М., 2004. С. 69–72). Ассимиляция

имен в актуальной для нас части царской последовательности Манефона была вторичной по отношению к контаминации исторических эпизодов и происходила, вероятно, по следующей логике: аутентичное имя «Мернептаха»(-Саптаха) было уподоблено имени «Аменофис» и приняло форму «Амменефтес»; затем же по аналогии с ним, в видах единообразия, но уже вне связи с нашим сюжетом ему было уподоблено имя исторического Мернептаха («Аменофат»).

³⁶ Fraser P. M. *Ptolemaic Alexandria*. Oxford, 1972. Vol. I. P. 508, 509. Vol. II. P. 952. N 34; Török L. *Der meroitische Staat I. Untersuchungen und Urkunden zur Geschichte des Sudan im Altertum*, B., 1986. S. 43ff.; *idem*. *Geschichte Meroes: Ein Beitrag über die Quellenlage und der Forschungsstand // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung*, II.10.1: *Politische Geschichte (Provinzen und Randvölker: Afrika und Ägypten)*. B.; N. Y., 1988. S. 145.

³⁷ О подобном «эталонном» значении данного сюжета говорит, в частности, отнесение именно ко времени Аменофиса мизансцены так называемого «Оракула горшечника» – на самом деле, еще одного варианта концовки третьего цикла египетской истории, по своей тенденции резко враждебной македонскому владычеству в Египте: Koenen L. *Die Apologie des Töpfers an König Amenophis oder das Töpferorakel // Apokalyptik und Ägypten...* S. 139–188.

А. Н. Николаев

НАДПИСИ НА ЕГИПЕТСКИХ АМУЛЕТАХ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Лучшие вещи в любом музейном собрании по мере возможности выставлены на обозрение. Однако из-за ограниченности выставочного пространства зачастую и им не находится места в витринах соответствующих экспозиций. К таким предметам, практически никогда не бывавшим на виду у публики, относится и коллекция египетских амулетов, очень четко выделяющаяся из всего собрания египетских древностей музея и хранящаяся в настоящий момент в секторе Древнего Востока Эрмитажа. Она насчитывает чуть менее 2000 предметов, приобретенных в разное время у частных лиц, а также поступивших в процессе национализации. За исключением нескольких фаллических фигур¹, данная коллекция не опубликована.

Амулет, или талисман, – предмет, который благодаря своей форме, материалу, из которого он изготовлен, и даже просто своему цвету, чудодейственным способом наделял своего владельца особыми возможностями и охранял его. На то, что египетский амулет обладал защитной функцией, указывают и его обозначения в египетском языке: три из четырех слов, которые мы переводим как амулет, а именно *mk.t*², *nh.t*³ и *rs*⁴, восходят к глаголам со значением «охранять», «защищать». Четвертое – *wdj* – имеет основное значение «быть целым, невредимым»⁵. Амулеты были важным элементом украшений как для живых египтян, так и для покойных – как часть их погребального инвентаря. Известны случаи, когда амулеты, использовавшиеся при жизни, помещались в погребение после смерти их обладателя. Погребальные, или заупокойные, амулеты изготавливались специально для раскладывания на мумии и обеспечивали защиту во время путешествия в Другом мире и облегчали жизнь в нем.

Египетские тексты содержат информацию о том, как выглядели амулеты и как они использовались. В частности, некоторые погребальные амулеты обсуждаются в Текстах саркофагов и в Книге мертвых (более ранние упоминания, например, в Текстах пирамид, очень редки). Известный перечень амулетов изображен на дверном проеме в помещениях, посвященных Осирису, на крыше храма Хатхор в Дендере⁶. Более информативным является список амулетов на оборотной стороне папируса Мак-Грегора, в котором каждый из видов амулетов изображен внутри отдельной ячейки и подписан снизу⁷. Еще одним важным источником является деревянная табличка времени Нового царства из Берлина, на которой названы материалы, использовавшиеся для изготовления амулетов. Изредка папирусы Позднего царства заканчиваются изображением